

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРКХЕЛ II

Андрей Северский
ДаркХел-2
Серия «ДаркХел», книга 2

<https://litres.ru/73389981>

SelfPub; 2026

Аннотация

Александру ДаркХелу и его "компашке" откроются новые стороны мироздания...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	27
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Андрей Северский

ДаркХел-2

Глава 1

– Вальдемар... – голос мой прозвучал хрипло и неуверенно. Я кашлянул, пытаюсь вернуть себе хоть каплю самообладания. – Рассказывай, что случилось. Всё, что знаешь. И не смей ничего утаивать!

Он кивнул, его ледяные глаза смягчились на долю секунды:

– Всё началось с того, что старый глава Ордена Алого Расвета, Магистр Годрик, умер, – начал старый друг, его голос был ровным и размеренным, но в нём слышалась стальная напряжённость. – Неожиданно и скоропостижно. Никто так и не смог установить причину смерти. Ни яда, ни ран, ни следов магии. Просто лёг и не проснулся. Как будто сама жизнь решила от него отказаться.

– Очаровательно! – сорвалось у меня, сарказм сработал как рефлекс, спасая от накатывающей пустоты. – Наверное, умер от скуки, читая устав Ордена. Или от зависти, глядя на мой послужной список.

Вальдемар проигнорировал мою реплику, продолжая с прежней суровой серьёзностью:

– На его место пришёл новый, Владий. Ранее он был правой рукой Годрика. И, надо сказать, я всегда подозревал в нём скрытые амбиции, но не ожидал такого... рвения. Он тщеславен, алчен и жаден до власти, как вампир до свежей крови. Но не это самое страшное...

Снова театральная пауза:

– Думаю, Владий довольно давно прознал, что намечается в Джурджу. Про Графиню. Про Истарота. Про ритуал. Обуяла жажда власти, захотел получить всё по максимуму. И он пошёл на сделку.

– Сделка? – переспросил я, не веря своим ушам. – Орден Алого Рассвета, светоч праведности и борцы с нечистью, заодно с некроманткой, мечтающей призвать демона похоти? Он что, рехнулся? Это уже полный идиотизм!

– На невыгодных для Графини условиях, – уточнил Вальдемар, и в его голосе прозвучала горечь. – Она считает, что использует его. А он, в свою очередь, уверен, что использует её. Оба – слепые щенки, играющие со свечой у бочки с порохом. Часть Ордена теперь всячески помогает фон Гельгорам.

– А другая часть? – уточняю я.

– Другая... Большинство просто ничего не знает, а то меньшинство, что знает, затаилось в страхе. В том числе и я, за что искренне презираю самого себя.

– Фон Грац чего-то боится...! – удивился я. Вот уж чего-чего, а этого никак не ожидал...

– Да, тоже можешь презирать старого дурака, вполне поз-

волительно. Но я боюсь не за себя, а за детей и внуков. Если бы не они, Владий уже давно был примерно там же, где и магистр Годрик!

Вот этому заявлению я поверил, ни капли не сомневаясь в решимости старого друга пожертвовать собой ради общего блага. Но жизнь внесла коррективы, у бывшего куратора охотников нашлись уязвимые точки.

– Двое Старейшин Ордена, отправившихся на приём к Монсеньору, бесследно исчезли – видимо, Владий плотно обложил руководство Церкви своими людьми. Либо... что ещё хуже, Монсеньор тоже в этом замешан, ему ведь восемь десятков лет, а умирать ой как не хочется. Могли соблазнить обещаниями.

Отличные новости! Просто прекрасные! Я не просто вляпался в эпическую кучу дерьма, эту кучу заботливо подготовила организация, должна быть на моей стороне и призванная бороться... с этими самими кучами.

И теперь у меня из союзников: тёмный ангел, ведьма – ночная бабочка, раненая суккуба и бессмертный алхимик. Весёлая компашка!

– И как бы печально это не звучало, Александр, – голос Вальдемара понизился до опасного шёпота, – твоя жена... она примкнула к Владию. И как теперь выяснилось, именно она является Хозяйкой магических тварей, которых прину-

дили служить Ордену.

В его глазах вижу отражение своего насквозь удивлённого лица. Удивление «по-настоящему» настоящее, лишённое любых прикрас.

Слова Вальдемара повисли в воздухе, незаметно – убийственные, словно угарный газ. Почти физически ощущаю, как почва уходит из-под ног. Мир, который с таким трудом выстроил из обломков беспамятства, вдруг с треском рухнул, оставив после себя лишь щепки и облако едкой пыли.

Опешить – это значит лишиться дара речи, способности мыслить и вообще какой-либо вменяемой реакции. Именно это со мной и произошло. Мозг, обычно тут же выдающий саркастичные комментарии и чёрные шутки, на время просто отключился. Я почувствовал, как нижняя челюсть отвисла, а глаза, наверное, стали круглыми и большими, как у совы. В ушах зазвенело, заглушая даже приглушённые вздохи Чечилии. «Жена». Это слово прозвучало так, будто Вальдемар вогнал мне между рёбер раскалённый докрасна клинок.

Слышу, как Вальдемар говорит что-то ещё, но слова доносятся будто сквозь толстое стекло.

У меня же в голове снова и снова прокручивалось: «... примкнула к Владию... Хозяйка магических тварей...». Каждая фраза была сравнима с ударом, методично разбивающим моё хрупкое внутреннее равновесие.

Медленно перевёл взгляд на Вальдемара. Он видел мой шок, видел, как рушатся все мои защитные барьеры, и, ка-

жется, даже понимал это. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало странную смесь сочувствия, непонимания будущего и внутренней ярости – он явно страдал от своей нерешительности и страха.

– Я вижу неопишное удивление на твоём лице, Александр, но не перебивай! – Вальдемар повысил голос, и в нём выплеснулась настоящая ярость. – Твоя жена... Ребекка... стала первой помощницей Владия, и она начала поиск суккубы по имени Фелиза, так как у той находится какая-то вещь, что поможет Графине провести ритуал. Некротический камень, я предполагаю?

В ответ молча кивнул. В голове всё складывалось в единую, ужасающую картину. Камень, который Фелиза заряжала, и который должен был стать ключом для Ордена, теперь был нужен всем, все хотели его заполучить.

– Орден фактически раскололся, и далеко не факт, что рядовые члены пойдут против магистра. Тем более, на всех несогласных и противящихся могут поставить клеймо предателей. Время стремительно уходит, Александр. Нужно покончить с Графиней и не дать Владию заполучить желаемого!

– А что он хочет? – наконец выдал я. – Стать королём-некромантом? Или, может, новым пророком Истарота?

– Он хочет контролировать всё, – просто ответил Вальдемар. – И он считает, что сила Истарота, или хотя бы доступ к Бездне, даст ему эту власть. Я прибыл в Джурджу, чтобы най-

ти тебя и рассказать обо всём, что творится. Также есть информация, что сегодня в порт Джурджу прибывает корабль. На нём перевозят вещи для проведения ритуала. Реагенты, артефакты, может, даже живой груз, предназначенный для жертвоприношения. В охране гвардейцы Ордена Алого Расвета, верные Владию. Думаю, ты понимаешь, что надо сделать...

Его голос снова стал отстранённым и суровым:

– Прости, что не иду с тобой. Меня не должны видеть здесь, официально сейчас вообще нахожусь за тридевять земель от этого города, – он посмотрел мне в глаза, и на этот раз во взгляде читалось что-то похожее на боль:

– Будь осторожен, Александр. Прости меня, если сможешь. Удачи тебе!

С этими словами он резко сделал шаг ко мне, и прежде чем я успел что-то понять или сказать, его руки обхватили мои плечи. Объятие было крепким и коротким. В нём не было ни капли сентиментальности. Объятие солдата, отправляющего товарища на верную смерть. Соединилось всё: и старая дружба, и горечь предательства, и смутная надежда. Он отступил, накинул капюшон, скрыв своё лицо в тени, и, не оглядываясь, вышел в дверной проём. Его тень скользнула по улице и растворилась в неприветливом свете дня.

Я стоял как вкопанный, всё ещё ощущая тепло его рук и ледяной холод новостей. Воздух в комнате будто застыл, а тишина оглушала.

Во взгляде девушки читался немой вопрос: «Что теперь делать?»

Что удручало, ничего не мог ей ответить, чувствуя внутри себя лишь пустоту.

Глава 2

Ребекка, жена Александра ДаркХела. Неделю назад. Аудиенция у Владия...

Кабинет главы Ордена Алого Рассвета пах властью и трупным тлением. Последнее, впрочем, могло быть моим воображением – или же лёгким, неуловимым шлейфом того зелья, что я подмешала в вечерний чай старому Годрику. Воздух был густым от аромата дорогого ладана, воска от сотен свечей и старого пергамента, но сквозь эту тягучую благодать пробивался и другой запах – сырой, плесневелый, будто стены этой помпезной гробницы впитывали в себя не только дым молитв, но и тихий, липкий ужас решений, которые здесь принимались.

Сама комната была воплощением чужого, безвкусного величия. Стены, обитые тёмно-багровым бархатом с вышитыми золотом символами Ордена. Огромные, почти до потолка, книжные шкафы из тёмного, почти чёрного эбенового дерева, инкрустированные серебряными прожилками. За стеклами дремали фолианты в переплётах из потрескавшейся кожи, позолоченные застёжки тускло поблёскивали, как глаза спящих ящериц. Ни одной живой книги, ни одного свитка, который бы не был связан с убийством, пыткой или подчинением. Библиотека палача, тщательно отполированная и рас-

ставленная по полочкам.

В центре этого мавзолея стоял массивный стол, вырезанный, как мне когда-то похвастался Владий, из цельного куска «плачущего дуба» – редкой породы, якобы выделяющей при обработке сок, похожий на слёзы. Теперь его полированная поверхность, цвета запёкшейся крови, была завалена бумагами, свитками, принадлежностями для письма, несколькими изящными, но явно отравленными кинжалами в качестве пресс-папье и хрустальным графином с тёмно-рубиновой жидкостью, в котором, быть может, плескалось вовсе не вино. Над столом нависал тяжёлый канделябр из бронзовых скрученных тел страждущих, в чашах которых горели яркие, почти белые свечи. Их свет резал глаза и отбрасывал на стены уродливые, пляшущие тени.

А за этим столом, будто огромный, раздувшийся от жадности паук в центре своей паутины, восседал он. Владий.

Ему было уже за семьдесят, но возраст он носил как доспехи – тяжёлые, неуклюжие, но внушительные. Его лысина была тщательно прикрыта париком из густых, неестественно чёрных волос, уложенных в напыщенные локоны. Парик сидел чуть криво, и у левого виска проглядывала полоска розовой кожи – маленький, жалкий изъян, который я замечала каждый раз, и который вызывал во мне приступ острого, едкого презрения.

Его лицо было полным, одутловатым, с обвислыми щёками, испещрёнными сетью капилляров и маленькими, глубо-

ко посаженными глазками-бусинками, цветом напоминающими мутный лёд. Над верхней губой топорщились жидкие, седые усики, будто две гусеницы, застывшие в отвращении друг к другу.

Но больше всего показывали его суть руки. Короткие, пухлые пальцы, униженные перстнями. Их было так много, что металл и камни бились за место на его коротких фалангах. Тут и печати с гербами знатных, но обедневших родов, которые он скупил за бесценок и массивные кольца с тёмными, пульсирующими при определённом свете камнями – явно артефактами, и просто безделушки из чистого золота, тяжёлые и безвкусные. Каждый палец был обут в металл и самоцвет, будто он боялся, что его плоть, лишённая украшений, окажется слишком обыденной, слишком смертной.

Его тучное тело было облачено в невероятно дорогой камзол из тёмно-фиолетового бархата, расшитый серебряными нитями, но он едва сходил на его огромном животе. Сверху была накинута мантия Главы Ордена – тяжёлая, алая, с золотым шитьём и меховой опушкой из белого горноста, который теперь выглядел уныло и потрёпано. Он сидел, откинувшись на высокую спинку тренообразного кресла, и его поза кричала о самодовольстве, достигшем точки кипения.

– Дитя, подойди ко мне, – прозвучал его голос. Он был скрипучим, старческим, но нагруженным такой привычной властью, что казалось, даже воздух в комнате сгустился, под-

чиняясь. Слово «дитя» прозвучало особенно мерзко. Мне тридцать семь. Я пролила больше крови, чем он выпил до-рогого вина. Я свергла его предшественника. Я – архитектор его восхождения. А он называет меня «дитя».

Подошла, заставив лицо принять выражение почтительного внимания. Шаги по толстому ковру были беззвучными. Остановилась в паре шагов от стола, скрестив руки на груди в почтительной, но не покорной позе. Моё платье – тёмно-синее, строгого кроя, из дорогой, но не кричащей ткани – было моей униформой. Броскость – удел глупцов. Настоящая сила в том, чтобы не выделяться, пока не придёт время ударить.

– Ты хорошо поработала, деточка, – продолжил Владий, его взгляд скользил по мне, как по вещи, которую оценивают на предмет наличия царапин. – Так всё обставила со смертью Годрика, что даже я сам поверил, что он почил собственной смертью.

Его губы растянулись в улыбке, обнажив неровные, желтоватые зубы. В его глазах не было благодарности. Было удовлетворение мастера, убедившегося, что инструмент работал как надо.

Я нехотя улыбнулась в ответ. Улыбка была натянутой, холодной, будто вырезанной из льда. Внутри же всё клочкотало:

«Какая же ты жаба, Владий. Раздувшаяся, вонючая жаба, сидящая на троне, который я тебе подложила. Ты думаешь,

ты правишь? Ты – пешка в моей игре. Туповатая, жадная пешка. Ты дрожишь от страха, что кто-то узнает, как именно умер старик. Ты боишься собственной тени. А я... знаю всё. Держу все ниточки. И когда придёт время, я дёрну, и твой картонный домик рухнет, придавив тебя же...»

Но выбора у меня всё равно не было. Мои руки по локоть в крови Годрика и ещё десятка тех, кто стоял на пути. Дороги обратно уже нет. Только вперёд. Через грязь, через предательство, через эту отвратительную жабу. Придётся играть роль послушной, почтительной помощницы. Играть до конца.

– Старалась служить Ордену и его новому лидеру, Великий Магистр, – произнесла я, опустив глаза. Голос звучал ровно, почтительно. Идеально.

– Конечно, конечно, – пробурчал он, махнув рукой, и перстни блеснули в свете свечей. – Орден... дело... всё это. Но речь сейчас не об абстрактном служении, деточка. Речь о конкретике.

Он потянулся к графину, налил себе в хрустальный бокал той тёмной жидкости. Не предложил мне. Ещё одно мелкое унижение, которое должна была проглотить.

– У меня для тебя задание, Ребекка, – сказал он, и его тон внезапно стал твёрдым, как сталь. Звучало это как приговор.

Внутри что-то сжалось. Опять. Кого на этот раз? Какого-нибудь старейшину, который усомнился в его праве на трон? Или, может, его собственную жену, которая слишком

много болтает? Приготовилась кивнуть, сказать, что всё будет исполнено. Я уже чувствовала на языке вкус чужого страха и крови.

– Благодаря твоим стараниям, – продолжал он, отхлебнув из бокала, – у нас есть Графиня и договор с ней. Плод твоего... как бы это сказать... тонкого дипломатического искусства.

Его слова были отравленным комплиментом. «Дипломатическое искусство» означало шантаж, подкуп и пару вовремя подосланных убийц к родственникам Габриэллы, которые ещё оставались в мире живых.

– Я хочу, чтобы ты отправилась в Джурджу, и лично контролировала процесс призыва Истарота! – Владий поставил бокал на стол с таким стуком, что дрогнули свечи. Его маленькие глазки сверкнули. В них горела не религиозная жажда, не фанатизм верующего. Горела простая, животная жадность. Жадность к силе, которую он не мог постичь, но которой очень хотел обладать.

Я позволила себе слегка приподнять бровь, изображая лёгкое удивление, – Великий Магистр, разве не безопасней будет поручить это кому-то из военачальников? Ритуал такого масштаба... проклятое место ...

– Именно потому и нужен глаз свой, верный! – перебил он меня, его голос стал визгливым. – Военачальники... солдафоны. Они знают только как рубить и стрелять. А тут нужна тонкость. Нужен ум. Твой ум, Ребекка. Ты умеешь догово-

риваться. Умеешь... убеждать.

«Убеждать». Кодовое слово для: «угрожать, шантажировать, убивать».

– И ещё, Ребекка, – глава Ордена наклонился вперёд, и от него потянуло сладковатым запахом дорогого вина и старого пота. – Муженька своего, если будет сопротивляться нашим планам... можешь ликвидировать!

Он произнёс это так же буднично, как если бы приказывал подать ещё вина. В его тоне не было ни сомнения, ни тени сожаления о судьбе одного из лучших охотников Ордена. Александр был просто помехой. Старой, надоевшей помехой.

Во мне что-то ёкнуло. Не боль. Не жалость. Что-то вроде... раздражения. Как если бы тебе напомнили о старом, потертом платье, которое ты давно собиралась выбросить, но всё руки не доходили.

Не нашла ничего лучше, чем ответить с ледяным цинизмом, который он так ценил:

– Он мне не муж. Он был лишь ступенькой к моему возвышению. Обольстить его и быть покладистой в его... хотелках, – чуть поморщилась, произнося это простонародное слово, – было сложной задачей. Но я смогла обуздать этого «барана». Он мне так же безразличен, как червю – судьба яблока, что тот выедает изнутри.

Слова вышли гладкими, отполированными, как голыши

на морском берегу. Я сама почти поверила в них. Александр. Грубый, циничный, вечно уставший. С его дурацкой тоской по дому, которой не должно было быть у такого, как он. С его пустотой вместо прошлого. Он был силён. Полезен. Его связи, его репутация... они открыли мне многие двери. А его наивная вера в мою любовь, в наш «союз»... это была самая сладкая часть сделки. Видеть, как этот циник, не доверяющий никому, доверяется тебе. Это была победа. Чистая, беспримесная победа. И сейчас, когда его полезность иссякла... да, он стал просто яблоком. Съеденным, источенным изнутри. Осталась лишь кожура – его имя, его тело. И это пора выбросить.

Владий лишь мерзко улыбнулся, его пухлые губы растянулись, обнажая дёсны. Моя откровенность, видимо, пришлась ему по вкусу. В ней он видел родственную душу – душу, для которой все вокруг лишь инструменты.

– Прекрасно. Именно такой подход я и ценю. Корабль ждёт тебя в порту. «Утренняя Заря». Я выделил отряд элитных гвардейцев Ордена для обеспечения твоей безопасности. Они в твоём полном подчинении. Используй их, как сочтёшь нужным, – он откинулся назад, сделав широкий, посылающий жест рукой, унизанной перстнями. – Не подведи меня, деточка. Ведь мы с тобой... мы понимаем друг друга.

Последняя фраза прозвучала как угроза, завёрнутая в шёлк. «Мы понимаем друг друга». Он понимал, что я амби-

циозна и опасна. Я же понимала, что он жаден и труслив. Это было шаткое равновесие страха и необходимости.

Сделав неглубокий поклон, склонила голову ровно настолько, чтобы это не выглядело как унижение, но и не как вызов:

– Ваша воля будет исполнена, Великий Магистр.

Развернулась и пошла к выходу, чувствуя на спине его тяжёлый, оценивающий взгляд. Дверь кабинета, массивная, из тёмного дерева с железными накладками, закрылась за мной с мягким, но окончательным щелчком. Я оказалась в длинном, пустом коридоре, освещённом редкими факелами. Воздух здесь был прохладнее и не так насыщен запахом тления.

Что ж, – подумала я, медленно выдыхая. – Джурджу. В этот вонючий, богом забытый портовый городишко, где даже крысы, наверное, носят отпечаток векового отчаяния. Придётся пачкать подол платья в этой провинциальной грязи!

Но в глубине, под слоями цинизма и презрения, копошилось что-то ещё. Что-то вроде... предвкушения. Александр был там. Мой «муженёк». Та самая последняя, не выброшенная кожура от съеденного яблока. Возможно, стоило лично убедиться, что с ним покончено. Посмотреть в глаза, когда он поймёт всю глубину моего предательства. Увидеть, как рухнет последняя опора в его пустом мире. Это могло быть... интересно. Не более того. Конечно, не более того.

Порт Джурджу

Путешествие на «Утренней Заре» было таким же унылым, как и её название. Корабль, хоть и быстрый и хорошо оснащённый, пах дешёвой смолой и тем особенным запахом страха, который всегда витал вокруг солдат, отправляющихся на грязное дело. Мои «элитные гвардейцы» – три десятка крепких, молчаливых мужчин в полированных кирасах с эмблемой Ордена – держались на почтительной дистанции. Их командир, капитан Лоркан, мужчина лет сорока с лицом, словно высеченным из гранита и взглядом, лишённым всякой мысли, кроме выполнения приказа, докладывавал мне три раза в день о нашем курсе и погоде. На большее его разум, видимо, способен не был.

Я провела почти всю дорогу в каюте – тесной, но относительно чистой клетушке, размышляя над деталями плана. Графиня Габриэлла. Её муж-призрак. Ритуал. Некротический камень, который, по слухам, теперь был у рыжей стервы Фелизы. И Александр где-то там, в гуще всего этого.

В каюту без стука, как и полагается солдату, вошёл Лоркан. Он встал по стойке «смирно», его латы слегка лязгнули.

«Раз влез в свои железяки, значит, приплыли...»

Мои выводы тут же подтвердились:

– Госпожа Ребекка. Прибываем. Порт Джурджу по правому борту, – он говорил коротко, отрывисто, будто слова были для него тяжёлыми камнями.

– Спасибо, капитан, – ответила я, не поднимая глаз от

карты города, которую изучала в сотый раз. – Приготовьте людей к высадке. Весь груз должен быть под постоянным присмотром. Ни одна бочка, ни один ящик не должны быть вскрыты без моего присутствия.

– Слушаюсь!

– Лоркан! – останавливаю командира отряда.

– Да, госпожа?

– Если в порту будут какие-либо... провокации со стороны местных, – я, наконец, подняла на него взгляд, – реагируйте максимально жёстко. Мы здесь не для того, чтобы завоёвывать симпатии. Мы здесь для того, чтобы демонстрировать силу. Понятно?

На его каменном лице дрогнула лишь одна мышца у глаза:

– Понятно. Сила и порядок.

– Прекрасно. Буду на палубе через десять минут.

Он щёлкнул каблуками и вышел, прикрыв за собой дверь. Но оттуда успело потянуть запахом соли, рыбы и... чего-то кислого, гнилостного. Запахом Джурджу.

Подойдя к маленькому зеркалу, висевшему на стене, поправила волосы. Тёмные, гладкие, собранные в тугий строгий узел. Лицо – бледное, с чёткими холодными чертами. Глаза – зелёные, и как зимнее море, без единой тёплой искорки.

Надеваю плащ с капюшоном из плотной тёмной ткани. Не для того, чтобы скрыться, а чтобы грязь этого места не испачкала платье раньше времени.

Когда вышла на палубу, в лицо ударил не столько ветер, сколько сам вид открывшегося порта. Если бы попросили одним словом описать его, я бы сказала: «Клоака».

Небеса над Джурджу были затянуты одеялом из грязно-серых низких туч, из которых накрапывал мелкий противный дождь, больше похожий на чью-то слюну. Вода в порту была цвета... грязи, покрытая радужной плёнкой растительного масла, нечистот и бог весть чего ещё. На её поверхности лениво покачивались обломки досок, пустая бочка, которую не успели выловить, идохлая рыба, вздувшаяся и белесая.

Доки представляли собой жалкое зрелище: покосившиеся, полуразрушенные причалы из почерневшего дерева, о которые с глухим стуком бились такие же убогие судёнышки. Рыбачьи лодки и пара более-менее крупных торговых кораблей, но все они выглядели так, будто вот-вот развалятся от стыда. В воздухе висел многоголосый тошнотворный коктейль запахов: солёной воды и рыбы, но поверх – густой сладковатый душок гниющего мусора, человеческих испражнений, дешёвого перегара и дыма от тысяч очагов, в которых жгли бог знает что.

Люди... Боги, эти люди! Они сновали по набережной, как потрёпанные жадные крысы. Рыбаки с обветренными пустыми лицами, в одежде, пропитанной вековой вонью. Торга-

ши, выкрикивающие цены своим гортанным грубым диалектом. Нищие, молящие о помощи и протягивающие к прохожим культяпки. Женщины с потухшими взглядами и детьми, привязанными к их грязным юбкам. И повсюду – солдаты городской стражи. Вернее, то, что здесь называли стражей: оборванцы в ржавых кирасах, с тупыми жестокими лицами, больше похожие на бандитов. Они похаживали, постукивая древками алебард по камням, а их взгляды, полные ленивой агрессии, скользили по людям, выискивая повод для поборов или просто для того, чтобы пнуть кого послабее.

«И это – место, где решается судьба всего мира!» – с ледяной яростью подумала я. Грязь. Нищета. Тупая, животная жестокость. Где-то здесь Графиня, мечтающая призвать демона. И Александр, играющий в героя. Всё это напоминает плохую, просто похабную шутку. Театр абсурда, где все актёры давно забыли свои роли, но продолжают кривляться на разваливающейся сцене.

Наш корабль, «Утренняя Заря», выделялся здесь, как алмаз в куче навоза. К нему уже с опасливым любопытством потянулись взгляды местных. Видели они и моих гвардейцев, строившихся на палубе в ровные ряды. Их полированные доспехи и суровые лица были чуждым, пугающим элементом в этой серой, убогой картине.

Причалили. Шум и гам, возле схода толпа грузчиков, спрашивающих, не надо ли помочь с разгрузкой?

– Прикажете выгружать груз, госпожа? – спросил Лоркан, появившись рядом.

– Да, пусть выгружают под вашим наблюдением, – сказала я, не отрывая взгляда от города. – Я хочу видеть каждый ящик, каждую бочку. И чтобы вокруг была охрана. В этом... месте, – с легким отвлечением обвела рукой панораму порта, – вору должны плодиться, как тараканы.

– Будет сделано.

– И пошлите кого-нибудь найти экипажи.

Внизу, у сходней, также появились какие-то местные чиновники в потрёпанных мундирах, пытаясь что-то выяснить у моих людей. Их сразу оттеснили. У меня не было времени на бюрократические игры с этими провинциальными клерками.

Томительное вынужденное ожидание, пока, наконец, Лоркан не докладывает:

– Карета и два экипажа ждут. Для вас и сопровождения.

– Хорошо. Первым делом – отделение Ордена. Там сейчас должен находиться комендант, брат Теодор.

Брат Теодор. Ещё один винтик в механизме. Надеюсь, он окажется не таким тупым, как слышится его имя.

Когда ценные ящики с ритуальными реагентами и артефактами были перенесены на отдельный склад, и оказались под усиленной охраной гвардейцев и местных наёмников, я сошла на землю Джурджу. Сапог мягко утонул в слое гря-

зи и нечистот, покрывавших камни набережной. Я чуть не поморщилась. Великолепно. Начинаем с того, что тонем в дерьме. Буквально.

Меня ждала карета. Не роскошная, но крепкая, закрытая, запряжённая парой довольно тощих, но выносливых на вид лошадей. Рядом выстроились гвардейцы. Их присутствие заставляло местных шарахаться в стороны, образуя вокруг нас подобие коридора страха и любопытства.

Я села в карету, Лоркан разместился напротив, положив руку на эфес меча. Дверь захлопнулась, отгородив нас от любопытных взглядов, но не от запахов. Повозка на колёсах тронулась, подпрыгивая на колдобинах.

Откинувшись на спинку сиденья, гляжу в узкое окошко. Город проплывал за стеклом, как бесконечная унылая декорация к кошмару. Кривые тёмные улочки. Дома, больше похожие на трущобы, иногда с провалившимися крышами. Лица, мелькавшие в проёмах дверей – испуганные, злые, опустошённые.

«И где-то здесь ты, Александр, – мелькнула мысль. В этой клоаке. Думаешь, что борешься за что-то важное. Что спасаешь мир. Как трогательно. Как наивно. Ты всегда был слеп к истинной сути вещей. Видел лишь поверхность – монстров, которых нужно убить, контракты, которые нужно выполнить. А за кулисами, где плетутся настоящие интриги, где решаются настоящие судьбы, ты был всего лишь пешкой.

Моей пешкой. И скоро ты это поймёшь. Когда я встану перед тобой. Когда ты увидишь в моих глазах не любовь, которой никогда не было, а холодный расчёт. И тогда... тогда я посмотрю, что останется от великого Александра ДаркХела. От циника, потерявшего последнюю иллюзию!»

Карета свернула на чуть более широкую улицу. Впереди, на возвышении, показался контур храма. Массивное, мрачное здание из тёмного камня, с остроконечными шпилями, казалось, вонзающимися в низкое серое небо. Храм Святого Элигия. Логово Церкви и Ордена в этом гиблом месте.

– Приехали, – сухо констатировал Лоркан.

Двери открыл один из гвардейцев. Я вышла, поправив плащ. Мелкий дождь тут же принялся назойливо сеять мне на плечи. Подняла взгляд на фасад храма. Над главным входом, чуть ниже креста в круге – символа Церкви, красовалась высеченная на камне эмблема ордена Алого Рассвета, как знак того, что он – та главная сила, на которую опирается Церковь во главе с Монсеньором.

Эмблема, которая когда-то что-то значила. Теперь же она была просто вывеской на конторе, где вершились грязные дела.

«Ну что ж, брат Теодор – подумала я, делая первый шаг к тяжёлым дубовым дверям. – Покажи мне, что ты за птица? И расскажи, где найти мою потерянную... кожуру от яблока»

Глава 3

Ребекка, жена Александра ДаркХела

Храм Святого Элигия изнутри пах не благодатью, а страхом и нищетой. Запах воска и ладана тонул в кисловатой вони плохо мытых тел, влажной шерсти и отчаяния. Это была не обитель веры, а перевалочный пункт для отбросов общества, место, где приходили поплакаться на жизнь тем богам, что и заставили их так жить.

Я переступила порог, и тяжёлые дубовые двери с глухим стуком захлопнулись за мной и моими гвардейцами, отсекая внешний мир вместе со свежим – если это слово вообще применимо к Джурджу – воздухом. Мои солдаты встали по стенам, замерли, как изваяния, их полированные латы и суровые лица резко контрастировали с обстановкой.

Внутри царил полумрак, прорезаемый тусклым светом свечей, горевших у алтаря и в боковых нишах. Воздух дрожал от монотонного бормотания молитв и всхлипываний. Нищие. Босые, вонючие, завёрнутые в лохмотья, больше похожие на ожившие кучи тряпья, чем на людей. Они сидели на холодных каменных плитах пола, стояли на коленях, прижимались к колоннам, и все они что-то просили. У богов, у святых, у пустоты. Их глаза, тусклые от голода и болезней, блуждали по мрачным фрескам, изображавшим мученичества, и в этих глазах не было надежды. Была лишь при-

вычная, выстраданная покорность судьбе, которая распорядилась ими как мусором.

Когда я вошла, бормотание на мгновение стихло. Десятки пар глаз устремились на меня. Не с благоговением, нет. С животным, примитивным любопытством, быстро сменявшимся страхом. Они увидели дорогой, чистый плащ, собранные в тугий узел волосы, холодное надменное лицо. Увидели вооружённую стражу. И в их взглядах, кроме страха, вспыхнула ещё и тупая беспомощная зависть. Зависть к чужой чистоте, к чужой силе, к чужой уверенности. Они смотрели на меня, будто вся грязь, вся безнадёжность, вся скверна Джурджу была сконцентрирована здесь, в этом храме, и я, своим появлением, лишь подчеркнула пропасть между нами. Я была живым укором их жалкому существованию. И они ненавидели меня за это. Тихо, бессильно, как могут ненавидеть лишь те, у кого нет сил даже на злобу.

Мне стало противно. Не от запаха, не от нищеты – от этой всеобщей, липкой атмосферы поражения. Вот они, стадо. Те, кем правят. Те, ради кого, как любят говорить некоторые в Ордене, мы и боремся. Ходячие мешки с костями и страхами. Ими легко управлять. Достаточно бросить корку хлеба или пообещать место в раю. Они сожрут и то и другое, даже не задумываясь.

Не стала задерживать взгляд на этой жалости. Мой взгляд скользнул по залу, выискивая того, кто представляет здесь

Орден. И он нашёл его.

Из-за алтаря, неуклюже пробираясь сквозь сидящих на полу прихожан, к нам спешил мужчина. Брат Теодор. Командант местного отделения «борцов за всеобщее благоденствие».

Он был таким, каким я и ожидала увидеть человека, добровольно согласившегося годами гнить в этом месте. Лет пятидесяти, с лысиной на макушке, которую он тщетно пытался прикрыть жидкими, тёмными с обильной проседью прядями, зачёсанными с висков. Его лицо было круглым, одутловатым, с мешками под глазами цвета синяков. Маленькие, тёмные глазки беспокойно бегали по сторонам, избегая надолго задерживаться на чём-либо.

На правой щеке красовалась большая, отвратительная родинка с торчащими из неё несколькими волосками. Его облачение – просторная ряса из грубого коричневого сукна – было в пятнах и выглядело потрёпанным. Короткие, толстые пальцы с обкусанными ногтями нервно перебирали чётки. На одном из пальцев болтался перстень с символом Ордена – дешёвая подделка, судя по тусклому металлу. Он подошёл, слегка запыхавшись, и попытался придать своему лицу выражение почтительной радости. Получилось жалко и неискренне:

– Сестра Ребекка! Какая великая честь! – залебезил он, кланяясь гораздо ниже, чем того требовал его сан и моё положение. Его голос был сиплым, с неприятными хриплыми

нотками. – Меня предупредили о вашем намечающемся визите голубиной почтой, но я не думал, что вы явитесь так скоро! Всё самое лучшее, что есть в нашем скромном доме, к вашим услугам!

Он пах потом, дешёвым вином и страхом. Я смотрела на него, не скрывая презрения. Такие, как он, были необходимы. Они заполняли щели в системе, делали грязную, мелкую работу и при этом были настолько ничтожны, что их можно было в любой момент выбросить, как испачканную тряпку.

– Брат Теодор, – произнесла я, не удостоив его даже кивком. Мой голос прозвучал сухо, резко, отсекая любые попытки дальнейшего сюсюканья. – Ваши услуги понадобятся позже. У меня нет времени на церемонии. Нужна актуальная информация о ситуации в городе. И об определённых персоналиях...

Я не предложила пройти в его кабинет. Не позволила ему занять хоть какую-то позицию власти. Мы остались стоять в центре зала, под испуганными взглядами нищих. Это был сознательный жест унижения. Пусть знает своё место.

Теодор заёрзал, его глазки забегали ещё быстрее. – Ситуация... э-э-э... сложная, сестра. Город на взводе. После... после инцидента в таверне «Лилит» и потом здесь, в храме...

– Конкретики, брат Теодор, – перебила я его, холодно и жёстко. – Меня интересуют не общие слова. Меня интересуют факты. Начните с храма. Мне коротко доложили о «боевом столкновении».

Он сглотнул, его кадык запыргал:

– Да, сестра. Это был... это был чистый ад. Охотник ДаркХел. Он устроил здесь резню. Наёмников, которых наняли... э-э-э... по определённом поручению. Он убил их всех. Человек двадцать. Местами... местами пришлось соскабливать со стен. Потом он исчез, – «брат» понизил голос до шёпота, – и ему удалось вынести отсюда ту суккубу. Рыжую. Она была тяжело ранена, но он забрал её с собой.

Внутри у меня что-то похолодело и одновременно закипело.

Александр! Всегда Александр!

Вечно влезающий не в свои дела, вечно ломающий тщательно выстроенные планы. Но лицо моё осталось непроницаемым:

– То есть, засада на него не удалась, – констатировала я с ледяным спокойствием. – Ваши люди оказались некомпетентны. Как и следовало ожидать от наёмников, нанятых через третьи руки.

Теодор вспотел ещё сильнее:

– Мы... мы не ожидали, что он окажется настолько... силен.

– Очевидно! – бросила я, окидывая его уничтожающим взглядом. – Теперь вопросы. Первый: где сейчас находятся ДаркХел, знахарка и суккуба?

– Мы... не знаем точно, сестра. Они скрылись. Дом знахарки разгромлен и частично сожжён, но их там уже не было.

Возможно, они покинули город. Или нашли другое укрытие.

«Разгромлен? Интересно. Значит, нашлись и другие охотники за суккубой. Или, что более вероятно, сама Графиня начала активные действия...»

– Второй вопрос, – продолжила я, не давая ему передохнуть. – Графиня Габриэлла фон Гельгор. Усадьба Старых Ветров. Где она находится и какова дорога до неё? Все детали.

Теодор заморгал, словно сова:

– Усадьба... это проклятое место, сестра. К северо-востоку от города, в глубине Чёрного Леса. Дорога туда... это даже не дорога, а старая, забытая тропа. Она начинается у покосившейся мельницы на окраине, потом ведёт через болотистую чащу. Местные её избегают. Говорят, там блуждают души, а сама земля нездорова. Дойти можно примерно за час, если не сбиться с пути. Но я бы не советовал...

– Ваши советы меня не интересуют! – отрезала я. – Вы предоставите мне проводника. Из местных. Который знает эту тропу.

– Но, сестра... никто из здешних не согласится! Они бояться!

Я посмотрела на него так, что он отшатнулся:

– Тогда вы пойдёте сами, брат Теодор. Или найдёте того, кто согласится. За соответствующее вознаграждение. Или под угрозой. Это ваша проблема. Жду проводника в кратчайший срок. Если же его не будет... – не закончила фразу,

позволив ей повиснуть в воздухе угрозой.

Он побледнел и закивал с такой силой, что его щёки задрожали. – Будет! Конечно, будет, сестра! Я всё устрою!
– Прекрасно!

На этом аудиенция была закончена. Я развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Мои гвардейцы чётким строем последовали за мной. За спиной слышала, как Теодор что-то бормочет и отдаёт сбивчивые приказы своим появившимся из ниоткуда подчинённым. Вокруг снова воцарился гул нищих. Запах страха теперь смешивался с запахом моей власти. Неприятно, но необходимо.

Мы вышли на паперть. Дождь не утихал. Кареты ждали. Лоркан открыл мне дверцу.

– Ждём проводника, – бросила я, садясь внутрь. – Думаю, наш дорогой брат Теодор ценит свою шкуру.

И действительно, не прошло и пары минут, как комендант с двумя помощниками привёл какого-то оборвыша с якобы отсутствующей ногой.

– Вот, сестра, это Лео...

– Мне абсолютно неинтересно его имя! Посадите его в экипаж впереди, пусть указывает дорогу!

Карета тронулась. Мы покидали храм, оставляя позади это скопище человеческого отребья. На прощание брат Теодор всё же был удостоен милостивого кивка – за скорость поиска проводника, которого гвардейцы во впереди едущем экипаже усадили прямо на пол у своих ног.

Через окно кареты наблюдаю, как проплывают нищие улички Джурджу. Но вскоре пейзаж чуть изменился.

Мы проехали через невидимую, но ощутимую границу и въехали в район, который, видимо, считался здесь «богатым». После бесконечных трущоб он выглядел почти цивилизованным. Узкие, но полностью мощёные камнем улицы. Дома в два, а то и в три этажа, с каменными фасадами, резными ставнями и даже кое-где с крошечными, ухоженными палисадниками. Не пахло открытой канализацией, а из труб шёл дымок – признак того, что в каминах жгли дрова, а не мусор. Встречались даже редкие прохожие в относительно целой одежде, с менее опустошёнными лицами. Это были не нищие, не рабочие – это были мелкие торговцы, ремесленники, может быть, даже обедневшие дворяне.

И даже здесь, в этом оазисе относительного благополучия, царила та же серая, давящая тоска. Богатство это было убогим, куцым, выстраданным. Каменные дома были мрачными, а ставни закрыты, как веки спящих. Люди шли, не поднимая глаз, погружённые в свои мелкие, жалкие заботы.

«Вот он, высший свет Джурджу, – с горькой усмешкой подумала я. – Крысы, сумевшие отгрызть себе чуть больше сыра в общем амбаре. Они смотрят на мою карету с тем же страхом и завистью, что и нищие у храма. Они боятся, что я отниму их жалкую стабильность. И они правы. Если понадобится, сотру этот квартал в пыль, не моргнув глазом. Их

благополучие – песчинка на весах моих амбиций!»

Карета выехала за городские стены через северные ворота – массивные, но давно не отремонтированные деревянные створки, которые охраняли столь же ободранные стражники. За воротами открылась унылая равнина, переходящая в ту самую чахлую поросль, что звалась Чёрным Лесом.

Дорога, если её можно было так назвать, оказалась ещё более отвратительной, чем ожидалось. Тропа, узкая и размытая дождём, виляла между кривыми и чахлыми деревьями, ветви которых, словно костлявые пальцы, норовили зацепить хоть что-нибудь. Воздух был сырым, холодным и пах прелой листвой, грибной плесенью и чем-то ещё... тухлым. Тишина стояла гнетущая, ненатуральная. Ни птиц, ни зверей. Лишь шум дождя да скрип наших рыдванов.

Мы сидели в карете, отгороженные от этого кошмара тонкими стенками, но запах и ощущение безысходности проникали и внутрь. Я закрыла глаза, но это не помогло. Мысли, старательно гонимые мной, полезли в голову, как черви из прогнившей древесины.

Александр. Его имя отдавалось эхом в пустоте моего сознания. Не как боль, не как тоска. Как раздражение. Как досадная ошибка в сложных расчётах. Он должен был быть простым инструментом. Сильным, полезным, слепым. Он верил мне. Этот циник, не доверявший никому в мире, доверился мне. Рассказывал о своих охотах, делился, насколько

это было возможно для него, сомнениями, тосковал по «дому», по той иллюзии семейного очага, которую я для него создала. Это было... забавно.

Видеть, как эта грубая, израненная душа тянется к призраку тепла. Я давала ему этот призрак. Ласку, заботу, понимание – всё, в чём он, как я рассчитала, нуждался. И он купился. Как последний простофиля.

Но была и другая сторона. Его беспамятство. Эта проклятая пустота в его прошлом. Она делала его непредсказуемым. В нём могли дремать силы, знания, связи, о которых не знал даже он сам. И я не смогла их раскрыть. Сколько ни пыталась – осторожно, через разговоры, через подстроенные ситуации. Ничего. Только обрывки, только тени. Эта загадка раздражала меня больше всего. Я ненавидела неконтролируемые переменные.

И вот теперь он снова встал на моём пути. Спас суккубу. Мою суккубу. Фелизу. Ту самую, чью волю я ломала с особым, сладострастным удовольствием.

Воспоминания нахлынули сами, подгоняемые мерзкой атмосферой этого леса и близостью цели. Я не боролась с ними. Пусть придут. Пусть напомнят, кто я и как далеко зашла.

Мне четыре, может быть, пять лет. Солнечный свет, льющийся через высокие окна родового поместья. Зелёные луга, уходящие к лесу. Смех. Мамины руки, подбрасывающие меня в воздух. Папа, строгий, но с теплинкой в глазах, ка-

чающий на колене. Запах яблок из сада и свежее испечённого хлеба. Мир кажется большим, ярким и безопасным. Я – центр этого мира.

Потом свет гаснет. Мне семь. Тот же дом, но он стал холодной, роскошной тюрьмой. Родители больше не смеются. Их лица – маски из долга и амбиций. «Ты – наше единственное дитя, Ребекка. Наша надежда. Ты должна быть безупречна». Дни, расписанные по минутам. Утренние молитвы. Затем чистописание, история, генеалогия и много его ещё. После обеда – музыка. Я ненавидела арфу. Её струны режут пальцы, а фальшивые ноты вызывают ледяной взгляд учителя. Потом танцы. Худшее из всего. Учитель, сухопарый старик с жёлтыми от табака усами и тростью, которой он бил по ногам за каждый неверный шаг, каждую неидеальную позицию. «Прямее спину, графиня! Разве вы мешок с картошкой? Ноги! Куда вы ставите ноги?!» Удары тростью были острыми, унижительными. Синяки на бёдрах и икрах скрывались только юбками. Слёзы – под ледяной маской послушания. Родители знали. Они платили ему за эту «строгость». Они хотели вылепить из меня идеальную невесту, товар высшего сорта, чтобы выгодно продать.

Семнадцать. Пышная, удушающая свадьба. Белое платье, в котором я тонула. Лица родни, полные жадного любопытства. И он. Мой муж. Граф Вильгельм фон Бреннен. Ему за пятьдесят. Он был толстым, с лицом запойного поросёнка, маленькими заплывшими глазками и вечно влажными, от-

вислыми губами.

От него пахло дорогими духами, перебивающими, но не скрывающими полностью запах старого пота, несвежего дыхания и чего-то кислого, больного. На нём был роскошный парик из каштановых локонов, но когда мы кружились в первом танце, под мерзкий гул гостей, я увидела, как из-под этого парика на его бархатный камзол упала маленькая, тёмная точка. Потом ещё одна. Вши. У меня сжалось всё внутри от омерзения. Его руки, пухлые и липкие, сжимали мои. Его дыхание, с примесью перегара и тухлой пищи, обдавало лицо. Я улыбалась. Улыбалась так, будто это был самый счастливый день в моей жизни. Внутри же что-то умерло. Окончательно и бесповоротно.

Двадцать три. Я стала вдовой. Наследницей всего состояния Бреннена. Его нашли в его же кабинете с перерезанным горлом. Якобы грабители. Так удобно. Моё первое убийство. Я не дрогнула. Подмешала ему в вино снотворное, дождалась, пока он заснёт за столом, и перерезала ему глотку тем самым изящным кинжалом, который он как-то подарил мне «для защиты». Кровь была тёплой и липкой. Её было много. Запах... железный, сладковатый. Я не почувствовала ни страха, ни отвращения. Только холодное, чистое удовлетворение. Свобода. И богатство. Я переступила через труп своего мужа, в прямом и переносном смысле, и не оглянулась.

Потом Орден. Моё поступление на службу было логич-

ным шагом. Вдовствующая графиня с состоянием и жаждой деятельности. Меня приняли. Годы подготовки были адом, но адом, который я выбрала сама. Изучение магических существ не вызывало страха – только холодный, научный интерес. Контроль над пробуждением магической силы в себе оказался... интимным. Чувствовать, как в тебе просыпается что-то чужеродное, мощное, и подчинять это своей воле. Это было подобно укрощению дикого зверя. А изучение артефактов, старых писаний... это давало знание. А знание – силу.

И вот первое задание. Важное. «Оболезнить Александра ДаркХела. Выдать себя за вдовствующую графиню, пострадавшую от нечисти. Втереться в доверие. Женить на себе. И узнать, кто он на самом деле? Его потеря памяти... это не естественно. В нём что-то есть»

Задание выполнила блестяще. Он был груб, циничен, изранен телом и душой. Но в его цинизме сквозила усталость, а в пустоте – тоска по чему-то настоящему. Я стала этим «настоящим». Нет, не любовью. Иллюзией дома. Тихим пристанищем, куда он мог вернуться с охоты. Я слушала его, поддерживала, заботилась – стала его женой. И он, этот недоверчивый циник, поверил. Слепо, полностью. Его доверие было моей величайшей победой и... слабостью. Потому что он ничего не помнил! Все мои попытки выудить из него тайны прошлого разбивались о стену его амнезии. Это бесило. Он был как сундук с сокровищами, потерявший ключ.

Но я использовала его иначе. Через него, через его репутацию и связи, я стала пополнять свой «зоопарк» – отделение по управлению магическими тварями. Конечно, не отдавала приказы ему лично. Через подставных лиц, через цепочки, он даже не подозревал, что его охота на того или иного монстра инспирирована мной. Благодаря ему я стала незаменимой. Затем – главой целого отдела. И вот тогда пришло самое сладкое.

Суккубы. Их было несколько. Создания, сотканные из похоти и магии. Сломить их волю... это было искусство. Физические пытки на них действовали слабо. Нужно было ломать изнутри. Лишать надежды, растравлять старые раны, играть на их страхах и слабостях. Фелиза была особенной. Сильной. Упрямой. С ней пришлось повозиться, но я наслаждалась каждым моментом. Видеть, как гаснет огонь в её разноцветных глазах, как гордость сменяется покорностью, как она начинает выполнять мои приказы не потому, что боится боли, а потому, что сломана духовно. Это была власть в чистом виде. Власть над разумом, над душой. Моя человечность умерла давно, в тот день, когда я взяла в руки окровавленный кинжал. Теперь мной двигали лишь амбиции. Холодные, безжалостные. Я шла вперёд и вверх. К вершине. И всё, что стояло на пути, будь то муж – доверчивый охотник или гордая суккуба – было лишь ступенькой. Или помехой, которую нужно устранить.

Карета резко дёрнулась и остановилась. Я резко открыла

глаза. Мы были на опушке. Вернее, на краю того, что ещё можно было назвать лесом. Впереди, сквозь пелену дождя и мглы, зияла чёрная, неестественно гладкая арка из отполированного камня. На ней были высечены символы, от которых резало глаза и скручивало живот даже при взгляде. «Печать Отвержения». За аркой – не лес, а нечто иное. Пространство, наполненное бледными, полупрозрачными силуэтами, бредущими без цели. Лес душ.

Проводник указывал на арку дрожащей рукой и что-то беззвучно шептал, его лицо было искажено ужасом. Лоркан доложил:

– Дальше кареты не пройдут, госпожа. И... место нездоровое.

Пришлось выйти из-под крыши нашего средства передвижения. Дождь тут же принялся хлестать по капюшону. Подошла к самой арке, игнорируя предостерегающие жесты Лоркана. Холодный ужас исходил от этого места волнами. Но под ним... под ним чувствовалась знакомая, гнетущая ненависть. И магия. Мощная, исковерканная магия.

Ну что ж, Габриэлла. Покажись. Покажи, во что ты превратилась...

Сделала широкий шаг под арку. Мир на мгновение поплыл, звуки исказились, будто я погрузилась под воду. Потом всё встало на свои места. Но это были уже другие места. Густой, тёмный лес, полный шёпота и бледных огоньков –

блуждающих душ. И впереди, на небольшой поляне, стояла она.

Графиня. Или то, что от неё осталось. Вид был... отвратительным. Существо из костей, покрытых натянутой, полупрозрачной кожей, с тлеющими угольками вместо глаз и безгубым ртом-щелью. Неестественно высокая, и от неё веяло такой концентрированной злобой и болью, что даже мне, видавшей всякое, стало неприятно. Это было не страшно. Это было жалко. Жалко и мерзко. Существо, застрявшее между мирами, разлагающийся памятник собственному безумию.

Она повернула свою уродливую голову в мою сторону. Тлеющие угольки сузились.

– Кто... ты? – проскрежетало нечто, напоминающее голос.

Я не дрогнула. Смерила её взглядом, полным холодного презрения. Вот до чего можно докатиться, одержимой глупой жадой власти. Стать этим... гниющим пугалом.

– Меня зовут Ребекка, прибыла по поручению Владия, главы Ордена Алого Рассвета, – произнесла я чётко, громко, чтобы мои слова резали мёртвый воздух этого места. – Моя задача – подготовить и проконтролировать ритуал призыва Истарота. Мои гвардейцы, – кивнула в сторону Лоркана и солдат, которые, преодолев ужас, ступили под арку вслед за мной, и теперь стояли с бледными, но каменными лицами, – будут здесь со мной. Они оцепят усадьбу и обеспечат безопасность проведения обряда. Отныне все приготовления проходят под моим непосредственным руководством.

Вы будете координировать свои действия со мной. Всё ясно?

Я смотрела на это чудовище не как на союзника, не как на могущественного некроманта, а как на подчинённого. На исполнителя. На грязный, но необходимый инструмент.

Графиня замерла. Казалось, она пытается осознать мою наглость. Из её глотки вырвался низкий, шипящий звук, похожий на смесь смеха и предсмертного хрипа:

– Ты... маленькая девчонка... смеешь приказывать мне?.. В моём доме..?

– Это не ваш дом! – холодно парировала. – Это ваша тюрьма. А ваш единственный шанс вырваться из неё – это сотрудничество с Орденом. С моим Орденом, который предоставит ресурсы. Я – контроль. Вы – знания и... локация. Больше от вас ничего не требуется. Кроме послушания...

Позволила паузе повиснуть, давая ей прочувствовать унижение. Её когтистые, похожие на корни пальцы впились в собственные костяшки.

– Где ритуальная площадка? Где будут размещены компоненты? – продолжила я, как будто расспрашивала экономку о состоянии погребов.

Графиня молчала ещё несколько секунд, её тлеющие глаза пылали ненавистью. Но в этой ненависти читалась и беспомощность. Она была привязана к этому месту. Она нуждалась в нас. В моих людях, в ресурсах с корабля.

– Идём, – наконец проскрипела она, разворачиваясь и поплыв прочь, вглубь леса душ, к тёмному, стерильному силу-

эту усадьбы. – Покажу... алтарь. Но предупреждаю... вмешательство в ритуал... будет стоить вам жизни. Даже тебе, наглой девчонке.

Последовала за ней, не удостоив угрозу ответом. Лоркан и гвардейцы шли за мной, озираясь на блуждающие души с плохо скрываемым ужасом – и это «элита». Правда, элита придворная.

«Начинается, – подумала я, ступая по мёртвой земле. Финальный акт. И Александр... где бы ты ни прятался, обязательно появишься. Ты не сможешь устоять. И когда появишься... мы, наконец, сведём счёты. И я посмотрю, что перевесит: твоя слепая вера в прошлое, которого не было, или моя холодная решимость будущего, которое будет принадлежать мне».

Глава 4

Ребекка, жена Александра ДаркХела

Воздух в ритуальном зале был густым, как забродившая кровь, и холодным, словно дыхание открытой могилы. Он не двигался – застыл, пропитанный вековой пылью, тлением и обещанием чего-то невыразимо мерзкого. Стою посреди этого пространства и моя тень, отброшенная светом сотен чёрных свечей, растягивается по полу, будто пытаюсь сбежать от самой себя.

Зал чудовищно огромен. Не по меркам дворцовых покоев – нет. Это была пустота, выскобленная в самой реальности. Его своды терялись где-то в вышине, поглощённые клубящимся мраком, из которого иногда проглядывали очертания чего-то костяного, будто рёбра гигантского павшего зверя. Стены, если их можно так назвать, состояли не из камня, а из спрессованной тьмы и отчаяния. Они пульсировали едва уловимым ритмом, словно это место дышало. И с каждым «вдохом» из них на мгновение проступали искажённые лица, руки и рты, что застыли в беззвучном крике, дабы затем исчезнуть при «выдохе», оставив после себя лишь влажный, солёный на вкус шёпот.

Сотни свечей горели, не плавясь, и их огонь был не жёлтым, а гнилостно-зелёным, как свет от «болотных огней». Они стояли не на подсвечниках, а... росли из пола. Да, имен-

но росли – тонкие, костяные стебли, увенчанные чашечками из спрессованного воска, в котором, как я внезапно с отвращением осознала, застыли крошечные, скрюченные фигурки. Каждая свеча была гробницей для какой-то малой души. Их свет лился сверху, но не рассеивал тьму, а лишь подчёркивал её, отбрасывая на пол и стены уродливые, пляшущие тени, которые двигались быстрее, чем должны были бы.

А в центре этого кошмара возвышался алтарь. Высеченный из единого куска чёрного, отполированного до зеркального блеска обсидиана, он впитывал в себя зелёный свет и не отражал ничего. Его поверхность была идеально гладкой, холодной и... живой. От него исходила пульсация, низкая, едва уловимая вибрация, от которой ныли зубы, и замирало сердце. Вокруг алтаря на полу были выгравированы концентрические круги сложных рун. Они светились тусклым багровым светом, будто под ними текла раскалённая лава. Запах стоял специфический – смесь сушёных трав, камня, пыли и... сладковатого, тошнотворного запаха разложения. Запах надежды, умершей в муках.

Мои гвардейцы, десяток человек во главе с Лорканом, стояли у входа, выстроившись в безупречную шеренгу. Их лица под глухими шлемами были скрыты, но я чувствовала исходящее от них напряжение. Даже эти каменные истуканы дрожали здесь, в самом сердце безумия. Они смотрели не на зал, а куда-то внутрь себя, пытаясь ухватиться за остатки

дисциплины, как утопающий за соломинку. Их полированные доспехи выглядели здесь чужеродно и глупо, как игрушки, занесённые в пещеру тролля.

А она... она парила в нескольких шагах от алтаря. Графиня. Или то, что когда-то было ею. Существо из костей, обтянутых полупрозрачной, как гнилой пергамент, кожей. Её силуэт был высоким, неестественно вытянутым, а движения – плавными, скользящими, будто у неё нет костей, а лишь что-то гибкое. Тлеющие угольки в пустых глазницах мерцали, следя за мной. Её «лицо» – если это скопление впадин и щелей можно так назвать – являлось застывшей маской вечной муки и ярости. Она просто существовала, как язва на теле реальности.

– Ребекка... – проскрежетало существо. Её голос был похож на звук ржавых петель и ломающихся костей. Он шёл не из гортани, а отовсюду, вибрируя в самом воздухе. – Мерзкая девчонка... Ты принесла мои игрушки?

Медленно повернула к ней голову, позволив губам растянуться в тонкой, холодной улыбке. Я не моргнула, не отступила. Позволила своему взгляду, полному ледяного, неоспоримого превосходства, скользнуть по её уродливому облику, как по чему-то грязному и не стоящему внимания.

– Для тебя, – мой голос прозвучал чётко, отчеканивая каждый слог, – я – госпожа Ребекка! Запомни это! Или придётся напомнить тебе о субординации доступными мне средствами.

В воздухе повисла тяжёлая пауза. Мои гвардейцы замерли ещё неподвижнее. Лоркан, стоявший позади меня, слегка сжал рукоять меча.

А потом раздался звук. Его сложно было назвать смехом. Это было похоже на то, как из разорванного меха выходит воздух, смешанный с хрипами умирающего животного и скрежетом камня по камню. Он резал слух, впивался в сознание, вызывая физическое отвращение:

– Гхе-хе-хе... Госпожа? – прошипела Графиня. Её костяные пальцы, похожие на корни ядовитого растения, сжались. – Деточка... ты слишком много на себя берёшь. Ты думаешь, эти блестящие доспехи и десяток тупых солдат дают тебе право указывать мне? В моём доме? Ты просто посланник. Маленькая, надутая важностью кукла, которую прислал твой жалкий, тщеславный великий магистр.

Я не ответила сразу. Сделала шаг вперёд, мои каблуки отчётливо простучали по каменному полу, нарушая гнетущую тишину зала. Подошла так близко, что могла разглядеть каждую трещинку на её пергаментной коже, каждую крошечную, извивающуюся тень в глубине её глазниц:

– Я не посланник, – произнесла тихо, но так, чтобы каждое слово врезалось в неё, как лезвие. – Я – контроль. Воля Ордена, воплощённая здесь и сейчас. Владий предоставил ресурсы. Я обеспечиваю их применение. А ты... – я намеренно замедлила речь, – ты – инструмент. Древний, изношенный, уродливый, но пока что необходимый инструмент.

Ты будешь делать то, что я скажу. Или ты останешься здесь гнить в своём маленьком, личном аду навечно, мечтая о теле, которого у тебя больше нет, и о муже, который стал твоей же тенью. Всё понятно, инструмент?!!

Её угольки-глаза вспыхнули яростным багровым светом. Волной хлынула злоба, такая плотная и осязаемая, что даже я почувствовала лёгкий холодок на спине. Воздух затрепетал и блуждающие тени на стенах зашевелились быстрее, заывая беззвучно.

– Деточка... – её голос стал тише, но оттого ещё опаснее. – За всё приходится платить. Когда-то... когда-то я была как ты. Молода, амбициозна. Желала власти не для служения, а для того, чтобы служили мне. Чтобы весь мир склонился. Видишь, что из этого вышло? Видишь, кем я стала?

Она распахнула свои костяные руки, демонстрируя своё уродство. Это был жест одновременно жалкий и полный горького торжества.

– Я не стану таким мерзким существом, как ты! – я выплюнула слова с таким искренним, ледяным отвращением, что, кажется, даже она слегка отпрянула. – Не позволю жажде власти изуродовать меня до такой степени. Буду править из дворцов, а не из могилы. И меня будут бояться, а не жалеть, как разлагающееся пугало!

Графиня замерла. Казалось, она переваривает мои слова, оценивая дерзость. Потом её «взгляд» смягчился, наполнив-

шись странной, почти ностальгической горечью:

– Мы с Казимиром... мы мечтали, – начала она и её голос потерял часть хрипоты, став почти... человеческим. – Не о власти над страной или богатстве. Мы хотели власти над самой природой вещей. Власти над жизнью и смертью. Истарот... Шепчущий в Плоти... он был ключом. Призвав его, подчинив его волю... мы стали бы не правителями, а богами. Мы создали бы новый мир, став его источником и хозяевами. Мир вечной красоты, вечного наслаждения, где страдание было бы всего лишь тенью...

Она замолчала. Её костяная грудь поднялась в беззвучном вздохе. Тишина в зале стала ещё гуще, давящей:

– А потом пришёл он, – прошипела она и ярость вернулась в её голос, заставив свечи вспыхнуть ярче. – Александр ДаркХел. Этот... слепой пёс. Его меч... проклятая «Жажда»... она не просто убила Истарота. Она разорвала его сущность. А его кольцо... «Душа Скверны»... оно поглотило высвободившуюся энергию. Ты представляешь? Энергию древнего демона, сконцентрированную в одном взрыве?

Она закачалась, её костяные пальцы впились в собственные «предплечья»:

– Реальность не выдержала. Она... треснула. Образовалась дыра. Пропасть. Междумирье. Не мир мёртвых, не мир живых. Пространство между снами и кошмарами, между памятью и забвением. И нас затянуло туда. Казимира разорвало на части ещё в момент взрыва. Его душа... его ярость и

боль... они стали основой для МалГорина. Моё тело было разрушено, но сознание уцелело. Я оказалась здесь, в этом кармане реальности, сотканном из обломков нашего ритуала и моей воли.

Она подняла руку и в воздухе перед ней возникло мерцающее изображение – искажённый лес, бледные души, чёрная усадьба:

– Долгие годы... столетия? Время здесь течёт иначе... я училась. Сначала выживать. Потом – понимать. Эта реальность питается эмоциями, памятью, душами. Научилась ловить блуждающие души, что затягивало сюда междумирье. Научилась лепить из них... тварей. Стражей. Слуг. – На её «лице» промелькнуло что-то вроде гордости. – Научилась использовать не только души, но и их эхо, их боль, их страх. Из этого... материала можно создать многое. Големов из спрессованного отчаяния. Теней из выжженной ярости. Цветы, что цветут слезами. Всё, что пожелаешь. Это место... оно стало моей лабораторией, моей тюрьмой и моим царством.

Графиня опустила руку, изображение исчезло. Её голос стал тише, сосредоточеннее:

– Но этого мало. Я хочу вернуться. Вернуть себе тело. Не это... уродство. Истинное тело. Плоть и кровь. И вернуть Казимиру форму, достойную его. Для этого нужна энергия. Огромная, чистая энергия. Ритуал с Истаротом дал бы её. Но камень... Некротический аккумулятор... его украли. Зарядили без моего ведома. Но он всё ещё мой. И он здесь, в

этом мире. А ещё... – её глаза вспыхнули багровым огнём, – есть месть. Месть Александру ДаркХелу. За всё, что он отнял. За наш мир. За нашу божественность. За всё время в аду собственного создания!

Я слушала, не двигаясь. Её история была грязной, жалкой и предсказуемой. Типичная трагедия малозначительных людей, возмечтавших о величии и заплативших за это собственной человечностью. Но в одном... в одном она была права. В желании уничтожить Александра.

– В этом мы сходимся, – сказала холодно, прерывая её поток сознания. – Александр ДаркХел – это провал. Пятно на моей биографии. Я допустила ошибку, позволив ему стать больше, чем инструментом. Он должен был быть рычагом, ступенькой. А он превратился в помеху. В угрозу всему, что я построила. Из-за его слепого, тупого упрямства чуть не рухнули планы, над которыми работала годами. Он... – небольшая пауза для подбора правильного слово, – раздражает. Как заноза. И его нужно выдернуть. Выдернуть и сжечь.

Мы стояли молча, две женщины, объединённые ненавистью к одному человеку, но разделённые бездной между нашими мирами и душами. Я думала о том, как буду смотреть в его глаза, когда он поймёт всю глубину моего предательства. Как рухнет его циничный фасад и останется лишь пу-

стота, которую когда-то притворно заполняла. Это будет... удовлетворительно.

Именно в этот момент воздух перед алтарём затрепетал и засверкал. Словно невидимая рука прочертила в реальности раскалённым ножом. Образовался круг, сияющий серебристо-багровым светом. Из него, бесшумно ступив на каменный пол, вышел МалГорин.

Он был именно таким, как его описывали. Высокий, закутанный в металлический плащ, скрывающий очертания тела. Его лицо было гладкой бледной маской без единой черты, безо рта, без носа. От него не исходило ни страха, ни агрессии – лишь абсолютная, леденящая пустота. Он не был существом. Он был воплощённым приказом. Тенью. Ещё одним уродом в этом цирке уродов.

Остановился перед Графиной и склонил голову. Не поклон – просто наклон:

– Хозяйка, – его голос был ровным, металлическим, лишённым интонаций. – Доклад.

– Говори – проскрежетала Графиня.

– Александр ДаркХел напал на склад в порту Джурджу. Уничтожил охрану. Освободил пленников. – МалГорин делал паузу между фразами, будто зачитывая сухой отчёт. – Большинство ритуальных компонентов уничтожено огнём. Склад сгорел. Он сам скрылся.

Тишина, последовавшая за этими словами, была громче

любого крика.

Сначала я ничего не почувствовала. Просто белый шум в голове. Потом, медленно, как лава, поднимающаяся из глубин, пришло понимание. А за ним – волна. Не просто гнев. Это была ярость, чистая, концентрированная, белая ярость. Она ударила в виски, сжала горло, заставила пальцы непроизвольно сжаться в кулаки так, что ногти впились в ладони. Он! Снова он! Этот бесполезный, упрямый, вездесущий мусор. Сжѐг? Освободил? Как он посмел?

Моё лицо, я знала, оставалось непроницаемым. Маска льда. Но внутри всё горело. Представляла, как он сейчас, весь в грязи и чужой крови, саркастически ухмыляется, довольный своим маленьким «подвигом». Он думает, что что-то изменил. Что он – герой. Он не понимал, что играл в игру, правила которой писали не такие, как он.

Медленно выдохнула. Звук выдоха был резким, шипящим:

– Прекрасно! – произнесла я. Голос был тих, но в нём звенела сталь. – Просто восхитительно. Этот клоун продолжает свои трюки.

Взглянула на Графиню. Мои глаза горели тем же холодным огнём, что и её угольки.

– Ритуал временно откладывается. Но не отменяется. У нас есть ещё часть компонентов, что не успели погрузить на корабль. И у нас есть кое-что лучше, – сделала паузу, давая словам вес. – Фелиза. Моя суккуба. Она с ним. Она ранена,

ослаблена, но её связь со мной не разорвана. Она – слабое звено. И через неё мы найдём их всех.

Графиня наклонила голову:

– Что ты предлагаешь, госпожа Ребекка?

Проигнорировала ядовитый оттенок в её голосе и, особенно, в слове «госпожа»:

– Ты создала это междумирье. Ты умеешь манипулировать душами и мыслями. Мы проведём ритуал ментального канала. Объединим наши усилия. Ты обеспечишь мощность, связь с этим... местом сил. Я же направлю поиск. Я знаю психический отпечаток суккубы – ломала её. Знаю каждую трещину в её воле. Найдём её ментальный след, где бы она ни пряталась. Когда найдём... переподчиню её. Заново. Глубже, чем прежде. Она снова станет моим орудием. Моими глазами и ушами. А потом она приведёт нас прямо к нему!

В глазах-уголках Графини вспыхнул интерес. Жажда действия. Мести.

– Это возможно... – прошептала она. – Но потребует энергии. И концентрация.

– У тебя нет выбора! – холодно отрезала я. – Или ты помогаешь мне, или ты остаёшься здесь навсегда, глядя, как твои последние шансы сгорели в порту Джурджу. Выбирай.

Она замерла, но потом кивнула:

– Хорошо. Мы сделаем это.

Я повернулась к МалГорину:

– Ты. Возьми тех... тварей, что способны действовать в мире живых. Стражей из отчаяния, теней ярости – не важно. Готовься. Как только мы локализуем их, ты отправишься туда. Твоя задача – захватить Фелизу живой. Александра – по возможности тоже живым. Но если придётся... я не буду плакать над трупом. Самое главное – суккуба и камень, что у неё.

МалГорин склонил голову: «Будет исполнено».

– Лоркан! – мой голос прозвучал, властно разрезая здешний воздух.

Капитан шагнул вперёд, щёлкнув каблуками. Его каменное лицо было непроницаемо: «Госпожа?»

– Ты следуешь с МалГорином. Возьми четверых лучших. Ваша задача – обеспечить выполнение его миссии. Если понадобится сила, применение магии, зачистка места – действуйте. Не стесняйтесь. Я даю тебе полную свободу действий. Но результат должен быть. Фелиза и Александр, доставленные сюда. Понятно?

– Так точно, госпожа! – ответил Лоркан без тени сомнения.

– Прекрасно! – окинула всех присутствующих ледяным взглядом. – Готовьтесь. Ритуал начнём через час. Положим конец этому фарсу! И начнём настоящее действо...

Я развернулась и пошла прочь от алтаря, к выходу из зала. Тень, длинная и чёрная, тянулась за мной по полу, сливаясь

с другими тенями. Спиной чувствовала на себе взгляд Графини – смесь ненависти, надежды и жадного любопытства. Взгляд МалГорина – пустой и безразличный. Взгляд Лоркана – готовый к исполнению.

А внутри меня кипело. Горела ярость. Шевелилось предвкушение. Скоро. Очень скоро я снова встречу с тобой, Александр. И на этот раз никаких иллюзий. Никакого прошлого. Только холодный расчёт и долгожданный конец.

Игра входила в решающую фазу. И я не собиралась проигрывать.

Глава 5

Александр ДаркХел. После встречи с Вальдемаром

– Ну что, лекарь, – мой голос прозвучал необычно хрипло. – Похоже, наш путь лежит в порт. Надо устроить тёплый приём некоторым... уже бывшим сослуживцам.

Чечилия ничего не сказала, лишь молча кивнула с отстранённой решимостью, которая появляется, когда отступить уже некуда. Похоже, день обещал быть ещё более «интересным», чем можно было предположить.

Наша дорога до порта пролегла через самые гнилые и дурно пахнущие кварталы Джурджу, что как нельзя лучше соответствовало моему нынешнему настроению. Воздух, со смрадом рыбных отходов, дешёвой смолы и человеческих испражнений, въедался в лёгкие.

Девушка не выдержала первой. Её голос, обычно твёрдый, сейчас прозвучал тихо и неуверенно, словно она боялась разбить хрупкое стекло:

– Александр... – начала она, не глядя на меня. – Что ты теперь будешь делать? Узнав... такое о своей жене.

Я презрительно фыркнул, но звук вышел каким-то сиплым, безжизненным:

– Что делают все нормальные люди, узнав, что их вторая половинка оказалась поклонницей демонов и маниакальной

интриганкой, вступившей в сговор с властолюбивым ублюдком? – развёл руками. – Обычно дарят цветы. Или пару арбалетных болтов в живот. Я пока до конца не определился. Хотя, можно ведь совместить. Сначала болты, а потом цветы на могилу... – выдал неожиданное решение проблемы.

– Ты... её любил? – она рискнула посмотреть на меня, и в глазах ведьмочки прочитал не пустое любопытство, а что-то похожее на жалость. Чёрт, как же я ненавидел это чувство!

Слово «любил» обожгло меня, как раскалённое железо. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок. Я заставил себя усмехнуться:

– Любовь? Милая, в моей жизни это понятие находится где-то между «хорошим выдержанным вином» и «редкой болезнью печени». Что-то далёкое, смутное и обычно заканчивающееся острой болью и финансовыми потерями. Ребекка... – произнёс это имя, и оно внезапно показалось мне чужим, ядовитым на языке. – Ребекка была стратегическим союзом. Брак по расчёту. У неё – деньги и положение в обществе. У меня – репутация и умение эффективно решать проблемы. Проблемы, в числе которых иногда значились и её родственники.

– Она всегда была амбициозна, – хрипло продолжил больше для себя, чем для Чечилии. – Но я-то думал, что её амбиции лежат в плоскости светских интриг и состояния её драгоценного рода. А оказалось, она метила куда выше. Стать правой рукой нового магистра? Хозяйкой целого выводка

суккуб? Участвовать в ритуале призыва демона? – я с силой пнул пустую бочку из-под сельди, и та с грохотом упала на бок. – Bravo, Ребекка! Надо же, какая скрытая глубина! А я-то считал её просто стервой в красивых нарядах с отменным вкусом в вине. Очевидно, недооценил. Глупец!

В голосе звучала не только ярость, но и горечь. Горечь от того, что меня, Александра ДаркХела, циничного и выдавшего виды охотника, грубо говоря, поймали. Использовали. Как пешку. Как разменную монету в чьей-то грандиозной, безумной игре. И самое мерзкое – что я даже не понял, как и когда именно это произошло?

– Мне жаль, Александр, – тихо сказала Чечилия.

– Не стоит, – отрезал я, резко обернувшись к ней. – Жалость – это роскошь для тех, у кого есть время лить слёзы. У нас его нет. У нас есть корабль, полный мистической пако-сти, порт, кишасий бывшими собратьями, а теперь врагами, и жена, которая явно заслуживает моего личного внимания. Так что давай отложим самокопание на потом. Например, на момент, когда я буду класть (или всё же положить?) цветы на её могилу.

Мы достигли окраины порта и укрылись за горой бочек и рыболовными сетями, пропитанными запахом соли и разложения. Отсюда открывался хороший вид на главный причал.

И вот он, корабль Ордена Алого Рассвета, плавучий оплот мракобесия. Трёхмачтовое чудовище, длиной с добрую по-

ловину улицы. Его борта, выкрашенные в почти чёрный багрянец, казалось, впитывали в себя и без того скудный дневной свет. Паруса, естественно, были убраны, но даже свёрнутые они выглядели зловеще, отливая неестественным алым оттенком. Резная фигура на носу изображала не русалку или дракона, а некоего крылатого дьявола. С каждого штандарта, с каждой щели на нас смотрел символ Ордена – стилизованное солнце, погружающееся в кровавое море. От всей этой конструкции веяло не просто мощью, а холодной бездушной жестокостью.

В охране – гвардейцы Ордена. В лакированных кирасах и алых плащах, с лицами, скрытыми под глухими шлемами. Их движения были выверенными, механическими. Они не суетились, они осуществляли чёткий, отлаженный процесс.

Неподалёку от них наёмники. Более пёстрая, но тоже опасная публика. Брутальные типы в потрёпанной коже и ржавых кольчугах, с лицами, на которых глупость и жестокость боролись за право главенства. Все они были вооружены до зубов. Алебарды, арбалеты, тяжёлые мечи – видимо, Владий не жалел денег на безопасность своего «груза».

Мы пришли тогда, когда основную часть груза, похоже, уже перетасили на стоявший поблизости склад, также усиленно охраняемый. Но кое-что всё же застали.

– Смотри, Александр, это что, рабы? – прошептала Чечилия, её голос дрогнул от отвращения.

С трапа, подгоняемые ударами кнутов, сходили люди. Мужчины и женщины, молодые и не очень. Все они были бледны, исхудалы, одеты в грязные лохмотья. Их запястья были скованы наручами с железными цепями, которые глухо звенели при движении.

Довольно много, больше тридцати человек. Они шли, понулив головы, плечи их были сторблены не от тяжести оков, а от безысходности. В их глазах не было ни страха, ни злобы – лишь пустота. Пустота живых трупов.

Один из гвардейцев, слишком усердный, грубо пихнул одну из шедших, и девушка, почти ребёнок, споткнулась и упала на колени. Он с силой ударил её древком алебарды по спине, и тихий, сдавленный стон вырвался из её губ. Это не был крик. Это был звук сломанной куклы.

У меня в желудке всё сжалось в ледяной ком. «Жажда» появившаяся в моей руке отозвалась лёгкой, едва уловимой вибрацией, словно почуяв близкую добычу:

– Похоже на то, – пробормотал я, и мой голос прозвучал чужим, натянутым, как струна. – Видимо, это и есть тот самый «живой груз», о котором упомянул Вальдемар. Жертвы для алтаря, подпитывать ритуал. И заметь, все откуда-то издалека, набирать жертв прямо на месте не рискнули, это могло бы вызвать волнение.

– Что мы будем делать? – в голосе Чечилии слышалась паника.

– Побудь здесь, – приказал ей, не отрывая взгляда от разворачивающейся перед нами картины. – Схожу на разведку. Нужно посмотреть, что там да как? Не шуми. Если что – беги.

Не дожидаясь ответа, бесшумно как тень, выскользнул из-за нашего укрытия и «пополз» вдоль груды ящиков и бочек, тянувшейся параллельно причалу. Воздух был густо насыщен запахами моря, и особенно, рыбы. Я двигался, используя каждую щель, каждое укрытие. Моё тело, несмотря на усталость, действовало почти самостоятельно – годы, нет, столетия этого дерьма отточили мои навыки до блеска.

Неподалёку от причала стоял складской ангар, дверь которого была приоткрыта. Видимо, туда и вели жертв.

Путь к нему преграждали двое наёмников, явно не ждущие никакой опасности, а потому несущие «службу» из рук вон – явно мечтают, как вечером напьются на заработанные деньги.

Не судьба... План созрел мгновенно. Обошёл их со спины, используя шум прибоя и крики чаек как прикрытие. Первый даже не успел понять, что происходит. Моя рука плотно закрыла ему рот, а «Жажда», появившись в другой руке с тихим щелчком, прошла по его горлу. Глухой, булькающий звук, и он безвольно осел на землю, окрашивая грязь под ногами красной краской.

Второй лениво обернулся на подозрительный шорох. Его глаза расширились от удивления, когда он увидел меня, и

ещё больше от ужаса, когда увидел своего напарника.

Потянулся за мечом, но было поздно. Я уже рядом. Короткий и точный удар в горло, чтобы не вздумал кричать. Оттащил оба тела в грудку бочек, где их могут скорее съесть крысы, нежели о них вспомнят.

Осмотревшись, подкрался к щели в стене ангара. Внутри ящики в аккуратных штабелях под охраной чисто гвардейцев Ордена – наёмников выставили на улице.

Как и предполагал, жертв привели сюда же. Их распихали по тесным клеткам, как скот. В дальнем углу, под усиленной охраной, стояли несколько особых ящиков, испещрённых рунами. От них исходило то самое, сильное магическое излучение. Сердце ритуала.

Этого было достаточно. Так же бесшумно пробрался к Чечилии. Девушка сидела, прижавшись к сетям, её лицо было белым как полотно.

– В общем, так, Чечилия, – выдохнул я, смахивая с лица пару капель чужой крови. – Я думаю, тебе стоит отправиться в убежище. Передай Севандру и Фелизе, что я вернусь как смогу. Мне нужно узнать, что за груз здесь находится, и, возможно, устроить небольшой саботаж. В этом ты мне не поможешь.

Девушка посмотрела на меня, и в её глазах боролись страх и желание помочь:

– Ты же не пойдёшь один против всех?

– О, нет, – я язвительно ухмыльнулся. – Я просто пойду поговорю с ними. По-братски. Возможно, предложу вместе выпить. Конечно, один против всех! Что ещё я могу сделать? Сидеть сложа руки и смотреть, как они готовят конец света? Нет уж. Иди. Прямо сейчас!

Ведьма немного помедлила, затем кивнула, понимая, что спорить бесполезно:

– Береги себя, Александр...

– Всегда, Чеча. Всегда.

Проследил, как она, крадучись и оглядываясь, скрывается в лабиринте портовых построек. Убедившись, что она ушла, вновь развернулся к ангару. Адреналин заструился по жилам, вытесняя горечь и боль. Осталось только холодное, циничное спокойствие и знакомый голод в глубине души. Голод, который разделяла и утоляла «Жажда».

– Ну что ж, – тихо прошипел я, глядя на дверной проём ангара. – Пора навестить старых друзей. Надеюсь, они приготовили достойный приём.

С этими словами я сделал шаг из тени, направляясь прямо в логово зверя. Игра в прятки закончилась. Началась охота на сослуживцев... бывших.

Глава 6

«Буду действовать нахрапом, так получается лучше всего!» – решаю я.

Накинув на себя слегка окровавленный плащ одного из убитых наёмников, направился к другой парочке. Изображаю раненого:

– Эй, помогите! – негромко говорю я, руками якобы зажимая рану на животе, в то же время сближаясь со смертниками.

– Что случилось? Кто тебя ранил? – парни, не подозревая подвоха, подбегают ко мне.

Наверное, их беспечности поспособствовал и факт отсутствия у меня в руках оружия. Но это исправляется буквально за пару мгновений: раз, и горло одного перечёркнуто красной полосой, а второй получает кулаком с зажатым эфесом по подбородку, выпадая из реальности.

Меняю окровавленный плащ просто на грязный, снимая его как раз со второго. На поясе вижу фляжку, побулькал – примерно половина есть:

– Неплохо, играем дальше! – комментирую находку.

Теперь мой путь лежит к группе наёмников, кучкующихся неподалёку от входа на склад:

– Парни, скучаете?

– А ты чо шляешься? – недружелюбно спрашивает один

из группы.

– Да вот, думал немного поднять вам настроение... – призывно покачиваю фляжкой.

Глаза у «псов меча» сразу загорелись:

– А что, если ЭТИ заметят? – у одного голос разума оказался чуть сильнее тяги к спиртному.

– Ой, да тут по глотку на каждого, чего бояться? – поднабиваю мужиков.

– Давай! – не выдержал явно запойный на вид наёмник.

Передаю фляжку:

– Я ща, отлить схожу, – легендирую свой быстрый уход.

«Отлить» я пошёл почти напрямиком ко входу на склад, где на страже стоит двойка гвардейцев Ордена, насторожившихся при моём приближении.

– Хей, парни, вы представляете, эти скоты, – указываю пальцем за спину, – где-то раздобыли вина и прямо сейчас хлещут!

Этим манёвром переключаю внимание с себя на толпу «псов».

– А ещё они смеют насмехаться над вами, называя «придурками в железках», – добавляю огня.

– Что?! – гневно восклицает старший в паре.

– Если что, это не я вам сказал! – поднимаю руки перед собой.

– Ща мы им покажем! – мне удалось спровоцировать «элиту».

Два стража, уже не обращая внимания на меня, двинулись к толпе. Не принимать меня во внимание – большая ошибка.

Жажда входит сбоку в шею идущему вторым, а когда первый поворачивается на хрип, собираясь выхватить меч из ножен – не успевает. Удар по кисти правой руки, и добивающий – снизу в челюсть.

В толпе наёмников немое изумление. Мне они не особо нужны, так что разворачиваюсь и вхожу на склад.

Дверь с грохотом закрывается за мной, вкладываю брус-запор в пазы – теперь дверь выносить если только тараном.

Внутри царил полусумрак, прорезаемый лишь несколькими масляными лампами:

– Здрасьте, зашёл к вам на огонёк! – прогремел я, делая пару шагов вглубь строения. – Слышал, у вас тут распродажа душ? Я как раз коллекционирую!

Ближайшие пятеро гвардейцев, возившихся у ящиков, застыли в немом оцепенении. Один, похоже, главный, кто откуда-то знал меня, опомнился:

– Это ДаркХел! Взять его! – его голос сорвался на визгливую ноту.

– Взять его... – передразнил я, уже в движении. – Какая оригинальность. Неужели у вас в уставе только одна фраза?

«Жажда» с радостным гулом прочертила в воздухе зелёную дугу. Первый гвардеец лишился головы. Она отлетела в сторону, а лицо застыло в маске идиотского удивления. Фон-

тан крови брызнул в потолок.

– Зря снял шлем! – прокомментировал я, поворачиваясь ко второму.

Короткое свечение камня, и клинок пронзил кирасу бойца, словно та была из пергамента. Лезвие вышло у него из спины, а в меня устремился ручеек живительной энергии.

Третий попытался ударить алебардой. Я присел, и оружие просвистело над моей головой. Ответил молниеносным взмахом «Жажды» – и его рука вместе с алебардой упала на пол, всё ещё конвульсивно дёргаясь.

– Потерял руку? Какая жалость... – говорю ему, уворачиваясь от выпада четвёртого.

Мой меч описал элегантную петлю и вонзился в подмышку, где кираса не прикрывала тело. Гвардеец закричал, но крик почти тут же превратился в клочкотание, когда клинок прошёл дальше, нанося страшнейшие внутренние повреждения.

Пятый, самый молодой, с перекошенным от ужаса лицом, попытался бежать. Я не стал его догонять. Вместо этого швырнул «Жажду» в спину беглецу. Меч, ведомый собственной волей, вонзился по самую гарду. Парень рухнул, а «Жажда» с глухим чавкающим звуком вернулась в мою руку:

– Бег полезен для здоровья, но только не от меня! – заметил я, резким движением сбрасывая с клинка капли крови.

– Парни, он один! Давайте все вместе! – выкрикнул один из оставшихся орденцев.

– Ошибаешься, дружок! – весело парировал я, встречая первого напавшего. – Нас двое! Я и моё острое желание вас всех укокошить!

«Жажда» встретила его меч, и от удара посыпались искры. Я сделал шаг вперёд, нанося удар ногой в колено. Даже не знаю, что было громче: хруст или вой из его глотки? Пока заваливался, рубанул его по шее. Так сказать, освободил от мучений...

– Коленка подвела! Вечно эти суставы подводят в самый неподходящий момент!

Ко мне бросились двое одновременно. Я припал на одно колено, и «Жажда», снова мигнув зелёным светом из камня, описала широкую дугу, отсекая обе ноги у одного и вонзаясь в пах другому. Трупы.

Последняя тройка – единственные, кто реально работал в команде. Один из них чуть-чуть не достал меня резким выпадом сбоку.

Пришлось снова прибегать к «волшебным» свойствам артефактного меча, через заимствование энергии из камня в намерении перерубая оружие противника.

– Ух, с вами было непросто, – отдаю дань уважения трём убитым хорошим мечникам. Если бы не «Жажда», они бы абсолютно точно покромсали меня.

С лёгким холодком в душе слышал за дверью звуки подбегающих людей и крики. Подкрепление. Отлично. Возможно, мой день будет совсем не скучным.

Ангар превратился в филиал мясной лавки. Стены, пол, потолок – всё было залито багрянцем. Кишки висели на ящиках, как гирлянды. Воздух был сладковатым от запаха смерти.

– Простите, меня задержали ваши сослуживцы, – добиваю лежащих раненых, и это реально акт человеколюбия, избавления от мук, им уже не поможет никакой врачеватель.

– Ну вот, – выдохнул я, вытирая окровавленное лицо рукавом. – Генеральная уборка окончена. Теперь можно и чайку попить, конечно, если быстро.

Глубоко вздохнув, начал осматривать "груз".

Первый ящик, вскрытый ударом «Жажды», содержал мешки с высушенными травами. Пахло дурманом, болиголовом и чем-то ещё, острым и неприятным. Явно ингредиенты для зелий.

Второй – связки свечей из чёрного воска, испещрённые рунами.

Третий – ритуальные кинжалы, похожие на тот, что я видел в воспоминаниях, но попроще.

Четвёртый – свитки с непонятными символами.

Пятый, шестой, седьмой... Всё то же самое. Оборудование для некромантов-любителей. Ожидаемо.

И вот я подошёл к тем самым, особым ящикам. Они были из тёмного дерева, окованы сталью, и от них исходила давящая магическая аура. Вскрываю первый. Внутри, на чёрном

бархате, лежат кристаллы, похожие на те, что использовал Севандр, но эти были тёмными, пульсирующими зловещим светом. Конденсаторы энергии. Моё кольцо на пальце отозвалось лёгким холодком.

Второй «особый» ящик содержал набор амулетов.

В третьем... лежала она.

Небольшая шкатулка из чёрного обсидиана. Размером с ладонь, её поверхность испещрена мельчайшими, извивающимися символами, которые, казалось, двигались в пляшущем свете масляной лампы. От неё исходила мощная, тёмная, почти осязаемая энергия. Она тянулась ко мне. Манила. Шептала что-то на грани слышимости.

—Ну-ну, — пробормотал я. — А что это у нас тут такое красивое и явно очень, очень плохое?

Кольцо «Душа Скверны» на моём пальце вдруг вспыхнуло ровным синим светом. Оно чувствовало это. Чувствовало силу.

Протянул руку и взял шкатулку. Обсидиан был ледяным на ощупь. Символы под моими пальцами казались живыми. Я нажал на защёлку. Крышка отскочила беззвучно.

Внутри, на чёрном бархате, лежал кристалл. Вытянутый, примерно с указательный палец, цвета глубокой ночи, пронизанный изнутри пульсирующим тёмно-синим свечением. Он дышал. Жил.

Что-то внутри меня кричало, чтобы я бросил эту штуку и бежал. Но любопытство — мой старый грех — оказалось силь-

нее.

Медленно, почти невольно, протянул правую руку, чтобы взять кристалл. В тот миг, когда мои пальцы сомкнулись вокруг него, а холодный камень коснулся металла моего кольца...

Мир взорвался.

Оглушительный, всепоглощающий РЁВ обрушился на моё сознание. Не звук, а сама боль, воплощённая в волне. Уши заложило, в глазах потемнело, поплыли кровавые пятна. Голова раскалывалась, словно по черепу били кузнечным молотом. Я рухнул на колени.

Сквозь нарастающий гул, сквозь невыносимую боль, сквозь тошноту, пробился... шёпот. Не один. Тысячи. Миллионы шёпотов, сливающихся в один, леденящий душу голос. Он был повсюду – в висках, в костях, в самой крови.

...наконец-то... носитель... ключ...

Я сжал голову руками, пытаюсь выдержать эту пытку, но голос только нарастал, становясь яснее, проникая в самые потаённые уголки разума.

...отпусти... нас... ДаркХел... выпусти... мы... голодны...

Это был не просто голос. Это была сущность. Древняя, бесконечно тёмная и бесконечно жаждущая. И она знала моё имя.

...сломай... печать... открой... врата... мы... дадим... силу...

Застонал, пытаюсь отбросить кристалл, но мои пальцы не слушались, сжимая его с судорожной силой. Кольцо «Душа Скверны» пылало на моём пальце ослепительным, почти белым светом, впитывая в себя эманации кристалла, но не гася их, а лишь усиливая связь.

...выпусти... нас... Истар...

И тут я всё понял. Не просто демон. Не просто сущность. Это был он. Шепчущий в Плоти. Истарот. Или его часть. Запечатанная в этом кристалле. И моё кольцо, «Душа Скверны», которое когда-то поглотило его, теперь... реагировало. Оно было ключом.

– Нет... – прохрипел сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как тьма пытается поглотить моё сознание. – Пошёл... к чёрту...

Но шёпот только усилился, наполняясь насмешкой и обещанием невыразимой мощи.

...ты... наш... ДаркХел... всегда... был... нашим...

В дверь склада начали долбить чем-то увесистым, и этот звук помог освободиться от наваждения.

«Надо поторапливаться, а то могу не пережить второй акт смертельного спектакля» – выдал помутнённый разум.

В ушах всё ещё стоял оглушительный звон, а в висках отдавалась тупая, разрывающая боль, как после трёхдневной пьянки на похоронах собственной совести. Я лежал на камнях пола, и единственной связью с реальностью был леденящий холод проклятого кристалла, всё ещё зажатого в моей

непослушной правой руке.

Пальцы свело судорогой, они буквально прилипли к мерзкому камню, не желая разжиматься. Казалось, сама тварь, заточённая внутри, вцепилась в меня своими эфемерными щупальцами.

– Нет уж, гадина, – прошипел сквозь стиснутые зубы, с дикой силой пытаюсь заставить мышцы подчиниться. – Со мной... не... поиграешь...

Это было похоже на попытку оторвать собственную руку. Каждая клетка тела кричала от боли и сопротивлялась. В голове снова зашевелился тот самый, отвратительный шёпот, обещая мощь, свободу, вечную жизнь... Чёрт, да я и так практически вечный, и ничего хорошего в этом нет!

Собрав всю свою волю в кулак – точнее, в пальцы – я с рыком, больше похожим на предсмертный хрип, судорожно дёрнул кистью. Раздался отвратительный хруст – то ли костей, то ли самой энергии – и мои пальцы, наконец, разжались. Проклятый кристалл с глухим стуком упал в лужу крови, его синее свечение на мгновение вспыхнуло ярче, словно в ярости, и тут же погасло.

Поднялся, тяжело дыша, словно только что пробежал марафон по аду с грузом грехов на плечах. Рука тряслась, как в лихорадке. «Ну вот, – подумал я, с отвращением глядя на свои дрожащие пальцы. – Добавлю-ка я в своё и без того пёстрое резюме пункт "личный враг древнего демона". От-

лично выглядит рядом с "мастер по разбрасыванию внутренностей"»

Огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно взять эту дрянь, не повторяя ошибку идиота, который суёт руки в неизвестные магические артефакты. Мой взгляд упал на одного из наёмников, чья жизненная карьера недавно так внезапно оборвалась.

«Прости, дружище, – мысленно обратился я к труп. – Но твоя посмертная миссия – не дать мне окончательно сойти с ума».

Оторвав достаточно большой лоскут от его пропитанной кровью штанины, сложил его в несколько слоёв, создав импровизированную перчатку. Затем, с предельной осторожностью, наклонился и, не дыша, поднял кристалл. Даже через толстую ткань от него исходил леденящий холод и едва уловимое, но оттого не менее противное гудение.

«Сиди смирно, погань», – пробормотал я, аккуратно, словно новорождённую гадюку, уложив его обратно в обси-диановую шкатулку. Крышка захлопнулась с тихим щелчком. Давящая аура сразу ослабла, но не исчезла полностью. Теперь это было похоже на тигрицу в клетке – опасная, но если подойти чересчур близко.

Стуки в запертую дверь прекратились, однако крики: «Несите топоры», явно намекали на то, что гвардейцы не успокоились.

«Теперь нужно это всё как-то унести, – вздохнул я, окидывая взглядом разгром. – Не оставлять же такое добро местным крысам или, тем более, служителям Ордена...»

Прочная кожаная сумка – то, что надо. «Ну его нахрен, спиритических сеансов на сегодня хватит», – констатировал я вслух, с облегчением помещая шкатулку на дно сумки. Чувство лёгкости, накрывшее меня после этого, было сравнимо разве что с избавлением от тяжёлого похмелья.

Повесив сумку через плечо, принялся за работу, как заправский мародёр на благотворительном аукционе в аду.

Набил сумку понемногу всякой всячиной: пару мешочков с травами разных видов (пахнет дурманом – отлично, пригодится для вечеринки), все кристаллы-накопители (пусть Севандр ломает над ними свою бессмертную голову), свитки (на досуге почитаю, если, конечно, меня снова не начнёт тошнить от магии), ритуальные свечи (пригодятся для романтического ужина при свечах... если, конечно, ужин – это я, а свечи – вокруг моего трупa) и парочку наименее омерзительных кинжалов (на сувениры).

«Отдам это алхимику, пусть разбирается, что со всем этим делать, – проворчал я. – А то у меня и своих проблем выше крыши»

Теперь следующий вопрос – что делать со всем этим бесовским бардаком? Целым оставлять ничего не хотелось бы. Циничный внутренний голос тут же подсказал самое простое и элегантное решение:

«Пожалуй, это всё надо сжечь, – с мрачным удовлетворением заключил я. – Огонь – лучший санитар».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.